

Ни о какой настоящей лошади не могло быть и речи. Не успел Лу Цзыяо и слова вымолвить, как Ицю решила замять неловкость. Повернувшись к молодому евнуху, она велела ему отвести Лу Цзыяо за деревянной лошадкой, а потом принялась успокаивать седьмого принца:

— Тот парень сказал, что за три дня обязательно починит лошадку! Так что завтра Ваше Высочество снова сможет делать «но-но, поехали»!

Лу Цзыяо воспользовался предлогом и, не дожидаясь ответа седьмого принца, тут же выскочил вслед за евнухом. Переступая порог парадного зала, он услышал за спиной детский, но исполненный гнева крик седьмого принца:

— Догоняй его!

Лу Цзыяо припустил со всех ног!

Эта поездка с извинениями прошла не слишком удачно.

Кто бы мог подумать, что седьмой принц затаил обиду не из-за сломанной деревянной лошадки, а из-за того, что Лу Цзыяо не сдержал слова.

Должно быть, малютка Лун Аотянь очень расстроился, глядя на свою деревянную лошадку с отломанными ушами и хвостом. Но, порассуждав, осознал, что кататься на настоящей лошади куда интереснее. И с тех пор каждый день ждал, когда Лу Цзыяо, давший обещание, придет и покатает его.

Память у мальчишки отличная, ничего не забывает, да и покататься хотелось от всей души. В итоге эта дурацкая история засела в голове у малютки Лун Аотяня на несколько лет и переросла в кровную месть!

Но что мог поделать Лу Цзыяо?

Не говоря уже о том, что брать принца, не достигшего положенного возраста, на верховую прогулку категорически запрещалось — даже если бы ему удалось тайком выкрасть маленького принца, самому Лу Цзыяо было всего восемь лет от роду. Он и сам-то никогда не сидел в седле, так как он мог гарантировать, что трехлетний ребенок не упадет и не покалечится?

Если седьмой принц случайно расшибется, то отстранение от должности компаньона станет наименьшей из бед — в Великой Ци за подобное полагается казнь всех девяти колен рода!

Выхода не оставалось: нужно вернуть деревянную лошадку в первозданном виде и отказаться от обещания покататься на настоящей.

Едва он вышел из дворца Цинцун, как увидел Цинхэ, который ждал его снаружи, словно окаменевшая от тоски статуя.

Остальных слуг третьего принца — мелких евнухов — Император уже полностью заменил. Лишь их с Цинхэ жизни все еще находились в руках седьмого принца. И хотя Цинхэ не пошел с Лу Цзыяо во дворец, он отчаянно сгорал от нетерпения, ожидая вестей.

Увидев, что Лу Цзыяо идет сам и несет деревянную лошадку, не требуя ничьей помощи — а значит, палками его не били, — Цинхэ радостно подбежал ближе:

— Ну как, всё прошло успешно?

Лу Цзыяо нахмурился и состряпал обеспокоенную мину:

— Трудно сказать. Седьмой принц в ужасном гневе, расплакался, едва меня увидел. К счастью, си-фэй не было во дворце, так что вынести наказание от имени господина было некому. Я кое-как уломал седьмого принца позволить мне починить лошадку. Но есть условие: она должна выглядеть точно так же, как до поломки, чтобы не было видно ни единой трещинки.

Цинхэ глубоко вздохнул, угодливо забрал у него из рук лошадку и мягко сказал:

— Спасибо тебе, тяжело пришлось. Я так и знал, что ты справишься! С моим-то нескладным языком я бы точно ничего от седьмого принца не добился. Починить её, думаю, будет несложно, пойдём прямо сейчас в Ведомство внутренних дел и попросим лучшего мастера!

Лу Цзыяо не стал спорить и лишь кивнул.

Про себя же он подумал: разве лучшего мастера так легко заставить работать? Придется выложить серебро.

У него при себе было пять лянов серебра, выигранных в прошлый раз, которые он уже обменял на мелкие слитки по одному лян. Он рассчитывал разделить расходы на ремонт пополам с Цинхэ.

Что касается цены: в обычной городской мастерской за починку такой безделушки взяли бы от силы несколько десятков монет.

Если наложить несколько слоев хорошего лака, выйдет дороже, но в один лян точно можно уложиться.

Но здесь — Ведомство внутренних дел. Сколько это будет стоить, Лу Цзыяо не представлял: всё зависело от того, насколько велик авторитет Цинхэ.

Они миновали добрую половину Двенадцати ведомств императорского двора и пришли в Ведомство внутренних дел. Стоявший на страже евнух, едва увидев Цинхэ, приветливо вышел навстречу. Лу Цзыяо просто шел следом за Цинхэ, надеясь проскользнуть вместе с ним.

Лу Цзыяо хотел лично проследить за работой, чтобы мастер не приклеил уши и хвост криво. Если сделают наспех, второго шанса исправить уже не будет.

Но у него не было таких связей, как у Цинхэ. Все-таки прежний хозяин тела был восьмилетним ребенком и толком не знал, как Цинхэ ладил с евнухами.

Лу Цзыяо догадался о секрете Цинхэ по воспоминаниям мальчика: всё было просто — Цинхэ помогал евнухам выносить из дворца пожалованные им подарки и продавать их за оградой.

Хотя евнухи имели куда больше свободы передвижения, чем дворцовые служанки, выходить за пределы дворца им удавалось редко. А у евнухов, специально назначенных для закупок, руки обычно были нечисты: если вещь продавалась за пять лянов серебра, они клали себе в карман целых два. Не то что честный Цинхэ: сколько выручил, столько и отдал.

К тому же Цинхэ был любимчиком третьего принца. Если он нес что-то за пазухой, его вряд ли стали бы обыскивать — это было даже безопаснее, чем через официальных закупщиков.

Лу Цзыяо подумал, что в будущем тоже мог бы завоевывать расположение евнухов таким способом. Особенно будущего главу Ведомства ритуалов — сейчас тот, скорее всего, еще подметает полы в Ведомстве дворцового убранства, так что настало самое благодатное время для налаживания связей.

Вернувшись к реальности, Лу Цзыяо увидел, что евнух на входе уже пропустил Цинхэ, и поспешил шагнуть за порог.

Поскольку в этой поездке он полагался на влияние Цинхэ, Лу Цзыяо старался держаться в тени и не вмешиваться в разговор. Но он никак не ожидал, что смысленный с виду Цинхэ, отыскав знакомого ремесленника, с порога прискорбно завопит:

— Дядюшка Лю! На этот раз вы должны меня спасти! Моя жизнь в ваших руках!

Лу Цзыяо мгновенно позеленел.

Вот дурак...

Хотя он понимал, что Цинхэ сгущает краски, чтобы дядюшка Лю выложился по полной, сказав такое, он всё испортил!

Будь на его месте Лу Цзыяо, он сказал бы иначе: «Случилась беда — сломалась деревянная лошадка седьмого принца, дарованная самим Императором. Мне велели срочно принести её вам. Нужно отремонтировать всё как следует и без промедления».

Тогда ответственность легла бы на самого дядюшку Лю: испортишь императорский подарок — несдобровать.

Цинхэ же своим плачем пытался воззвать к жалости. Но людей волнует лишь собственная выгода — с чего бы дядюшке Лю печься о чужой жизни?

Сказав так, он лишь отдал себя во власть собеседника.

И действительно, Лу Цзыяо оказался проницателен. Мастер с важным видом некоторое время вертел и замерял лошадку, а затем похлопал по ней и произнес:

— Починить-то нехитро. Но если хочешь, чтобы трещин не было видно, придется покрыть оригинальным лаком. А лак этот, я гляжу, из особых запасов для императорской семьи, стоит немало. Кто платит-то — ты или господа?

Лу Цзыяо хотел было вставить слово и сказать, что платят господа, чтобы мастер не задирал цену.

Однако охваченный паникой Цинхэ опередил его:

— Какое там «господа»! Придется мне самому от сердца оторвать!

Лу Цзыяо: «...»

Мастер для вида посочувствовал, но на его лице промелькнуло удовлетворение — теперь можно называть любую цену.

Авторское примечание:

Пухляш Седьмой: Жёнушка сбежала, тащи меня в погоню!

— Сколько выйдет починка, чтобы не было видно трещин? — Цинхэ доверчиво посмотрел на мастера Лю.

Дядюшка Лю нахмурился и вздохнул:

— Это и правда недешево, молодой господин Цин. Если нужно, чтобы трещин не было видно, обойтись точечной подкраской не выйдет. За клейку и шлифовку я с тебя ни монеты не возьму, сделаю даром. Вот только цветной лак для императорских нужд выдается по строгой месячной норме. Чтобы починить лошадку, мне придется просить закупщиков выдать ведро сверх нормы. Сам знаешь, я человек ремесленный, господ в глаза не вижу, живу на жалованье в два лян серебра в месяц и покрыть расходы на целое ведро лака не могу.

Лу Цзыяо в отчаянии закрыл глаза.

Похоже, придется серьезно раскошелиться.

Цинхэ тоже изменился в лице. Поняв, что аппетиты у дядюшки Лю ого-го, он не слишком вежливо спросил:

— Назовите мне настоящую цену, и я спорить не стану. Но если мне это не по карману, придется забрать лошадку и поискать кого-нибудь за пределами дворца.

Цинхэ не был глуп и этими словами пытался намекнуть дядюшке Лю: не ломи цену слишком высоко по сравнению с городскими мастерами, иначе мы просто разорвем сделку.

Но он был слишком молод и не имел опыта дядюшки Лю. Тот прекрасно понимал, что вынести такую большую деревянную лошадку из дворца обойдется в несколько лян серебра только на взятки страже. На пути встретится куча постов, и на каком-нибудь из них их вовсе могут не пропустить, и все труды пойдут прахом.

Поэтому слова Цинхэ несколько не испугали дядюшку Лю.

Дядюшка Лю подсчитал, через сколько ворот придется пронести лошадку и сколько серебра уйдет на подкуп. Он не стал запрашивать несусветную сумму и ограничился шестидесятью процентами от предполагаемых расходов на взятки. Подняв руку, он показал пальцами:

— Придется выложить вот столько.

Лу Цзыяо настороженно поднял глаза и увидел четыре пальца. На душе у него стало одновременно и досадно, и легко.

Досадно — потому что запрошенная цена была как минимум в четыре раза выше городской. Легко — потому что четыре лян он еще мог осилить. Разделив сумму пополам с Цинхэ, выходило всего по два лян.

Если подумать, сломал лошадку прежний Лу Цзыяо. По-хорошему, он вполне мог оплатить ремонт целиком. Рыночная цена составляла один лян серебра, так что заплатить два лян — не такой уж грабеж.

Пока Лу Цзыяо пытался себя утешить, Цинхэ неожиданно вышел из себя, схватил деревянную лошадку и направился к выходу!

<http://bllate.org/book/18379/1766779>